

ХРОНОТОП – КЛЮЧ К ПОЗНАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2007 г.

К.Э. Бурнашев

Марийский государственный технический университет

symbolism@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.03.2007

Рассматривается генезис представлений о социальном пространстве в зарубежной и отечественной научной мысли. Представлены основные парадигмы исследования социального пространства, сформировавшиеся в XX веке. В качестве наиболее конструктивного методологического принципа исследования социального пространства выдвигается принцип хронотопа (время-пространство). Происхождение самого термина «хронотоп» (дословно «время-пространство») связано с математическим естествознанием, и своим обоснованием он обязан теории относительности А. Эйнштейна. В социально-гуманитарном знании представлен благодаря работам русского мыслителя М.М. Бахтина, который способствовал выявлению методологического потенциала хронотопа в социально-гуманитарном познании. Для исследования социального пространства необходимо обратиться не к романным хронотопам, которые сконструированы авторами текстов, а к реально существующим. В числе таких хронотопов рассматриваются: греческая площадь – агора; хронотоп встречи как важнейший в организации социального пространства; хронотоп дороги, в котором пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов.

Хронотоп – не частый гость в публикациях на социально-гуманитарные темы. Это во многом объясняется его происхождением, которым он обязан математическому естествознанию. В хронотопе терминологически оформилась неразрывная связь времени и пространства, обоснованная в теории относительности А. Эйнштейна. Отсюда и дословное определение хронотопа – время-пространство.

По принципу диалогичности научного знания фундаментальные открытия, сделанные в области наук о природе, преодолевают изначальные предметные рамки и проникают своими идеями и смыслами в область наук о человеке и обществе. Хронотоп в этом плане достаточно универсален, ибо время и пространство – общенаучные категории и активно эксплуатируются не только в естествознании, но и в социально-гуманитарных науках, причем в последних совершенно особым образом (говорят, например, о социальном времени и пространстве, что может быть представлено терминологически в форме социального хронотопа).

Появление хронотопа в социально-гуманитарном знании во многом связано с именем знаменитого русского мыслителя М.М. Бахтина, который использовал его «почти как метафору, почти, но не совсем» [1, с. 234–235], для анализа жанровых различий литературных произведений. Именно М.М. Бахтин одним из первых выявил методологический потенциал

хронотопа в социально-гуманитарном познании.

На наш взгляд, принцип хронотопа может быть весьма продуктивен для исследования социального пространства и вопросов, с ним связанных, так как механистическая (трехмерная) парадигма зачастую упускает главное и остается на поверхности, не доходя до смыслов.

Пожалуй, сложно найти в истории социально-философского знания XX века такую проблему, которая, несмотря на явную заинтересованность исследователей, настолько ускользала от удовлетворительного разрешения, как проблема социального пространства. Еще в первой четверти XX века русско-американский мыслитель П.А. Сорокин отмечал, что с уверенностью можно говорить о существовании социального пространства, но тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству: «Насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница, Вайгеля и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным» [7, с. 297].

Более чем через полвека американский социолог Энтони Гидденс констатирует следующее: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать

формы организации социальных систем во времени и пространстве» [3, с. 174].

В конце 90-х годов XX века отечественный философ А.М. Бекарев также подчеркивает недостаточную изученность вопросов, связанных с социальным пространством: «Термин “социальное пространство” употребляется часто. Частота употребления порой вызывает рябь в глазах и не проясняет смысла. Да и в итоге оказывается, что социальное пространство представляет собой не что иное, как “окультуренное”, “очеловеченное”, но вполне природное пространство» [2].

Малоизученность проблемы социального пространства и в то же время значительную ее актуальность подчеркивают В.Н. Иванов и В.И. Патрушев: «...феномен социального пространства до сих пор остается “закрытой зоной”, хотя именно эти проблемы становятся первоочередными» [5, с. 44].

Краткий экскурс в историю вопроса дает возможность констатировать, что проблема социального пространства, несмотря на неоднократные попытки ученых ее разрешить, так и остается проблемой, «закрытой зоной» для исследователей. Это во многом связано со сложностью улавливания самого объекта исследования, ибо он постоянно ускользает от четкого и однозначного определения. Так, например, вполне очевидным представляется нахождение человека одновременно в нескольких пространствах (например, геометрическом, географическом, культурном, этническом и т.д.), поэтому выделение сугубо социального пространства из всего многообразия пространственных форм – задача не из легких.

Первоначальные представления исследователей о социальном пространстве были сугубо механистическими. Оно мыслилось как трехмерное, подобное геометрическому пространству, без учета временной составляющей. Такую трактовку социального пространства проповедовали главным образом социологи, среди которых такие именитые классики, как Э. Дюркгейм и Г. Зиммель.

Особое место в этом ряду занимает фигура нашего соотечественника, знаменитого социолога и социального философа П.А. Сорокина, который пытался преодолеть трехмерный взгляд на социальное пространство и выявить его многомерность [7, с. 297–300].

Мыслитель отмечает принципиальную несхожесть геометрического и социального

пространств. Так, люди могут находиться в одном геометрическом пространстве, к примеру, чиновник, рабочий, актер, но быть в совершенно различных пространствах социальных. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве, могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение.

Исходя из вышесказанного, ученый делает попытку определить социальное пространство как своего рода вселенную, которая состоит из народонаселения Земли. Тем самым социальное пространство трактуется П.А. Сорокиным как глобальное, человеческое пространство.

Исследователь подчеркивал многомерность социального пространства в отличие от трехмерности геометрического: «Эвклидово геометрическое пространство – трехмерное. Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.)» [7, с. 300].

Но несмотря на понимание социального пространства как многомерного, а не трехмерного, П.А. Сорокин, тем не менее, остается в плену у механистического взгляда на социальное пространство, доминирующего у его предшественников. Трехмерность в данном случае преодолевается другой (многомерной) трехмерностью, ибо не дает нового качества, а лишь дополняется количественными показателями. Ключевой фактор, влияющий на социальное пространство, остается за кадром. Этот фактор – время, которое одно и способно придать социальному пространству конкретный смысл и реальное содержание, добавить красок в унылый мир механической размерности.

Как отмечалось ранее, изменение представлений о характеристиках пространства произошло благодаря открытиям, сделанным в рамках теории относительности Альберта Эйнштейна. К трем уже известным измерениям добавилось четвертое – время, которое и стало определяющим. Казалось бы, эта фундаментальная связь времени и пространства должна была изменить представления и о

социальном пространстве, но этого не произошло. Тому свидетельством замечание, высказанное виднейшим американским социологом Энтони Гидденсом в середине 80-х годов XX века: «Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность, и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим время к измеримому часовому времени» [3, с. 174]. Таким образом, не трудно заключить, что подход к социальному пространству, несмотря на сделанные открытия, едва ли принципиально изменился, оставаясь все больше механистическим.

В качестве перспективного направления в исследовании социального пространства сквозь призму времени-пространства Энтони Гидденс выделяет концепцию временной географии, являющуюся синтезом географии и социальной теории шведского географа Т. Хагерстранда, мало известную широкой научной общественности. «Подход, предложенный Хагерстрандом, основывается главным образом на определении видов ограничений человеческой деятельности, обусловленных конституцией (строением) человека и физической средой его социальной деятельности. Отсюда возникают всеобщие «пределы», ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве» [3, с. 175].

В направлении временной географии, наряду с Хагерстрандом, работает Джанелле. Предметом его научных исследований является феномен «сжатия» времени, «необходимого для преодоления расстояния между различными позициями, возникшего вследствие усовершенствования транспортных систем» [3, с. 179].

Философское осмысление социального пространства имеет свои существенные отличия от социологического. Это объясняется разницей в специфике ракурсов социологии и философии на предметы исследования. Так, социология рассматривает социальное пространство главным образом в контексте проблем социальной мобильности, о которой возможно рассуждать исключительно конкретно. Философское же восприятие гораздо более абстрактно и выражается в осмыслении социального пространства как пространства, которое «образуется в сети отношений человека к миру. Оно само есть отношение» [2, с. 5].

Таким образом, социальное пространство предстает перед нами не в качестве предмета, который можно поставить в ряд с другими предметами и указать на него пальцем или каким-либо графиком, таблицей и т.п. Нет. Оно – нечто, что возникает исключительно на волне какого-то усилия со стороны человека по отношению к другому и длится, пока данное усилие удерживается. Любое усилие, как известно, существует во времени и со временем же распадается, рассеивается под воздействием энтропии. Эта временность неразрывно связана с пространством, на котором данное усилие проявляется, пространственно оформляется. Время, тем самым, выступает важнейшей характеристикой социального пространства, без которой невозможно его понимание. Таким образом, вхождение в смысл социального пространства возможно исключительно через ворота социального хронотопа, который предстает как взаимное единство социального времени и пространства.

Памятуя о том, что весьма непросто перенести понятие из области естествознания в область знания социально-гуманитарного без ущерба для его смысла и невозможность буквального такого переноса, воспользуемся «техникой безопасности» и представим социальный хронотоп, по совету М.М. Бахтина, «почти как метафору, почти, но не совсем» [1, с. 234–235]. «Почти» потому, что для социальной реальности в принципе не важен тот специфический смысл, который хронотоп имеет в математическом естествознании, «не совсем» – ввиду концептуального приятия неразрывной связи времени и пространства (в данном случае социального времени и социального пространства).

Социальные хронотопы играют совершенно особую роль в жизни социальных систем, они открывают смысл социального пространства. Социальные хронотопы выхватывают из потока истории, подверженного энтропии и распаду, определенного рода отношения Человека к Миру, оформленные пространственным образом и пребывавшие в конкретное время и в конкретном месте. Социальный хронотоп позволяет актуализировать пребывавшие когда-то социальные отношения, воспроизвести в современных условиях ранее существовавшие формы социального пространства. Такого рода социальное пространство – пространство античного полиса.

Войти в смысл социального пространства античного полиса мы можем исключительно через ворота уникального социального

хронотопа под именем «агора» (греческая площадь).

«На площади впервые раскрылось и оформилось автобиографическое (и биографическое) самосознание человека и его жизни на античной классической почве... В этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина...» [1, с. 282–283].

Порождение такого хронотопа во многом связано с представлениями самих греков о времени и пространстве. Время греков – это так называемое «вечное настоящее», ибо все здесь и сейчас, целиком и полностью должно пребыть, свершиться. В этом своем времяощущении греки были поклонниками мига (бытия целиком и полностью пребывающего в настоящем). Выражения типа «завтра знать или быть добродетельным не имеет никакого смысла» или «на вчерашней добродетели нельзя почивать» – яркий пример такого отношения ко времени. Именно такое ощущение времени греками обусловило их способ оформления социального пространства как пространства пребывания, пространства диалога.

Социальное пространство античного полиса было удивительно не похоже на пространство любого соседнего государства. Эта непохожесть выражалась в особом социальном хронотопе, который «...не порождается стихийными, спонтанными процессами истории, не дается традицией, – это социальные связи, которые уже прошли через горнило гражданского сознания и впервые конструируются, проходя через это горнило, в том числе через агору, то есть через публичное существование закона» [6, с. 108–109].

Социальное пространство античного полиса держалось на феномене вертикального состояния сознания древних греков, которое и позволяло держать и воспроизводить особого рода социальные отношения. Эти отношения, как известно, были неотделимы от политических, частных, культурных и т.д., более того, они сами и были всем этим.

Пожалуй, никогда в истории человечества социальное пространство не было выражено столь рельефно, как в эпоху греческой цивилизации. Человек был максимально овнешнен – социален. Социальный хронотоп греческой площади (агоры) послужил образованием совершенно уникального социального пространства, которое само было способным производить особого рода гражданские отношения, то есть было

интеллектуальной материей, проходя через которую человеческий материал упорядочивался.

Распад уникального греческого социального пространства был обусловлен главным образом не причинами внешнего характера, а глубоко внутренними причинами, главнейшей из которых явилась утрата того самого вертикального состояния сознания, того усилия значительного числа людей, которое и позволяло удерживать напряжение особого рода социальности. «Был полис, существовал топос. Социальный топос, в котором жили греки, и пока держался топос, держались и греки, топос и был Грецией» [6, с. 111–112]. К сходным выводам приходит в своих размышлениях и М.М. Бахтин, констатируя следующее: «Самосознание его (имеется в виду греческий гражданин. – К.Б.), утратив народный хронотоп площади, не могло найти такого же реального единого и целостного хронотопа; поэтому оно распалось и разъединилось, стало абстрактным и идеальным» [1, с. 286].

Важность социального хронотопа для понимания социального пространства греческого полиса сложно переоценить. Вполне очевидно, что если попробовать решить ту же задачу с помощью трехмерного подхода, то возможно будет схватить лишь внешнюю сторону явления и полностью упустить суть.

Рассматривая социальное пространство сквозь призму социального хронотопа, мы как бы локализуем его во времени и пространстве (месте), не даем ему рассеяться, разбежаться. Время выступает в качестве четвертого и решающего измерения социального пространства, именно оно организует, придает ему конкретный смысл.

В организации социального пространства важное место играет реальный социальный хронотоп встречи. Встречи, как известно, происходят в конкретное время и в конкретном месте (пространстве). Будь то встречи дипломатические, творческие или свидания влюбленных – все они порождают определенные социальные отношения, способствуют оформлению социального пространства в конкретном месте в конкретное время.

С социальным хронотопом встречи тесно связан другой хронотоп – реальный хронотоп дороги. «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех

сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью» [1, с. 392]. Эта точка – месторазвитие определенного рода социальных отношений, которые возникли исключительно по воле случая. Понятие «месторазвитие» фигурирует в знаменитом труде русского мыслителя Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» и характеризует специфические физико-географические условия месторазвития этноса. «Под ландшафтом понимается участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой. Назовем это понятие удачным термином П.Н. Савицкого – месторазвитие» [4, с. 189].

Месторазвитие указывает на наличие у этноса своего специфического пространства, которое фактически является домом, естественным местом, на котором он зародился и получил толчок к развитию. Далекое не всякое пространство, по мнению Л.Н. Гумилева, может стать таким месторазвитием.

Очевидно, у социального пространства также есть свое месторазвитие, которое, в сущности, всегда неповторимо в той мере, в какой неповторимо и отношение Человека к Миру. Но месторазвитие этноса и социального пространства, конечно же, не одно и то же.

Понимание социального пространства как времени-пространства играет важную роль в решении практических задач социальной теории, например, в конструировании социальных технологий, что отмечают отечественные социологи В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. «Категории «социальное пространство» и «социальное время» являются основополагающими для технологизации... социальное время и социальное пространство выступают категориями социального бытия не только в смысле описания его на духовно-теоретическом уровне; они являются исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий...» [5, с. 42–43].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом с ним связанного понятия «месторазвитие» в исследовании социального пространства и вопросах, с ним связанных, является весьма перспективным в методологическом отношении. Смысл социального пространства мы, очевидно, можем постигнуть лишь через ворота социального хронотопа, через взаимное восприятие временных и пространственных характеристик, ему свойственных. Современная техногенная цивилизация характеризуется особым переживанием времени, ускоренным ритмом жизни и, как следствие, совершенно непохожей на другие эпохи организацией социального пространства. Правда, если верить Бодрийяру, проблема социального пространства может перестать быть проблемой в силу краха социального вообще.

CHRONOTOP IN THE STUDY OF SOCIAL SPACE

K.E. Burnashev

The genesis of ideas on the social space developed in both foreign and native scientific conceptions is examined. The basic social space research paradigms formed in XX century are represented. The chronotop (time-space) principle is presented as the most constructive methodological principle of studying a social space issue. The origin of the term «chronotop» (verbatim «time-space») is connected with the mathematical natural science and is obliged to the A. Enshteyn's theory of relativity for its substantiation. Thanks to the work of russian thinker M.M. Bakhtin this term is also represented in the social-humanitarian knowledge. He made a huge contribution into the development of the methodological potential of the chronotop in the social-humanitarian knowledge. Going for social space investigation it is necessary to apply not to the novels' chronotops designed by scripters, but to chronotops are existing or ever existed in reality. As the real chronotops: greek area - agora, the chronotop of encounter (as the most important one in the organization of social space), the chronotop of road (containing a temporal-spatial point at which the temporal and spatial ways of many different people (the representatives of all classes, states, religions, nationalities, ages) cross.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Бекарев А.М. Свобода человека в социальном пространстве. Нижний Новгород, 1999.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999.
6. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1998.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.